

Л. Ике-Швальбе

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ПО ДРЕВНЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ДОАРИЙСКИХ ПЛЕМЕН НА ЮЖНОАЗИАТСКОМ СУБКОНТИНЕНТЕ

Историко-филологические, исторические и археологические исследования позволили добиться значительных успехов в реконструкции этнических процессов и социально-экономического развития населения Южноазиатского субконтинента до прихода туда ариев¹. Значительный вклад в изучение этой проблемы внесли исследования В. Рубена, Р. Шаффера, Ф. Партигера и К. Милиуса, изучавших социально-экономические и этнографические явления по ранним санскритским источникам².

Этнографические данные можно привлекать для изучения рассматриваемого периода только в случае применения специальной методики, так как все они относятся ко времени не ранее XIX—XX вв. Поскольку на развитие любой социальной общности оказывают влияние конкретно-исторические факторы и закономерности, действующие в данную эпоху, перенесение современных этнографических данных на древнейшие времена может привести к ошибочным выводам. Вместе с тем, знание общих закономерностей, лежащих в основе развития человеческого общества, позволяет использовать после соответствующей аналитической обработки и этнографические данные, что помогает реконструкции далекого прошлого. Задача несколько облегчается в тех случаях, когда те или иные современные явления восходят к прежним ступеням социально-экономического развития. Поэтому, располагая данными по отсталым формам хозяйства и общественных отношений, сведениями, почерпнутыми из мифологии, в сочетании с археологическим материалом, можно осуществлять ретроспективные реконструкции ранних периодов истории. Во всяком случае, эти материалы дают возможность значительно уточнить существующие представления о доарийском населении.

Комбинированный анализ устных традиций, известий местных хроник, археологических и лингвистических материалов³, а также данных:

¹ Сводка важнейших данных по этой проблеме была составлена советскими исследователями уже в 1963 г. См. «Народы Южной Азии» (серия «Народы мира. Этнографические очерки»). М., 1963, с. 51—99. Специально о мунда см. Г. М. Бонгард-Левин Д. В. Деоник. К проблеме происхождения народов мунда.—«Сов. этнография», 1957, № 1, стр. 46—56.

² W. Ruben. Eisenschmiede und Dämonen in Indien.—«Internationales Archiv für Ethnographie», Bd. 37, Supplement, Leiden, 1939; *его же*. Über die Dschungelstämme im Staate Kautilyas.—«Indo-Iranian Journal», v (?). 1, 1957, S. 210—228; *его же*. Die gesellschaftliche Entwicklung im Alten Indien, Bd IV. Berlin, 1973; R. Shafer. Ethnography of Ancient India. Wiesbaden, 1954; F. E. Pargiter. The nations of India at the battle between the Pandavas and Kauravas.—«Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», 1908, p. 309—336; K. Mylius. Die gesellschaftliche Entwicklung Indiens in jungvedischer Zeit nach den Sanskritquellen, Bd. II.—«Ethnologisch-Archäologische Zeitschrift», 1972, 13 Jg., Hf. 3, S. 321—365.

³ Антропологические сведения, которые базируются в основном на последних исследованиях, привлекаются лишь для сравнения или при необходимости подтвердить то или иное высказывание, но не как источник, поскольку надежных антропологических данных, полученных на основе археологических материалов, до сего времени нет.

санскритских источников, основанных главным образом на Махабхарате и Ригведе, позволяет воссоздать историю доарийского населения до и после прихода ариев в Южную Азию⁴.

Археологические материалы дают достаточно полное представление о неолитической эпохе Южноазиатского субконтинента. На основе данных, полученных как путем систематических раскопок, так и случайных находок, можно выделить две ведущие формы материальной культуры: орудия труда и керамические изделия. В различных сочетаниях они образуют на субконтиненте три ареала.

В области Западной и Южной Индии имели распространение валиковые топоры с заостренной спинкой, а также черная и красная керамика, относящаяся к периодам I (2500—1500 г. до н. э.) и II (1500—1000 г. до н. э.) по Санкалия и Уиллеру⁵. В англоязычной литературе эту керамику называют «black-on-red» или «black-and-red»⁶, в верхних культурных слоях она смешана с серой керамикой.

В междуречье Ганга и Джамны археологический комплекс выглядит следующим образом. Под расписной серой керамикой, смешанной частично с черно-красной, находятся слои с черно-красной керамикой, иногда керамикой цвета охры. Последняя встречается в тех же слоях, что и черно-красная, а в ряде случаев залегает стратиграфически под ними. Эти слои могут быть датированы II и III периодами (1000—500 г. до н. э.)⁷. К этому комплексу относятся валиковые топоры с заостренной спинкой, а также четырехгранные плечиковые топоры⁸.

В восточных областях Индии четырехгранные плечиковые топоры находят чаще, чем валиковые⁹. При немногих систематических раскопках был добыт значительный керамический материал. В культурных слоях неолита и медного века найдены обломки черно-красных сосудов и керамических изделий цвета охры.

Если придерживаться точки зрения Х. Хертеля, связывающего серую керамику с ариями, то до их прихода на Южноазиатском субконтиненте были распространены две весьма отличные друг от друга неолитические культуры. Они находят настолько большие аналогии за пределами субконтинента, что еще в 1928 г. Р. Хейне-Гельдерн пришел к выводу, что они привнесены на Южноазиатский субконтинент извне. Около 2000 г. до н. э. неолитические земледельцы с характерными орудиями в виде четырехгранных и плечиковых топоров пришли в долину Ганга через Ассам из Индокитая. Их связь с аустразиатами в культурном и языковом отношении доказана¹⁰. Как показывают археологические данные, они сталкивались с группами мезолитических охотников-собирателей или же селились в местностях, обитатели которых этнически не могут быть установлены. В течение всего 2 тыс. до н. э. долину Ган-

⁴ Далее излагаются результаты такого анализа без указания всех без исключения источников. Последние рассмотрены в большой работе, которая сейчас подготавливается. Публикуемый материал был представлен в виде доклада на Международной санскритологической конференции в Берлине в марте 1975 г.

⁵ H. D. Sankalia. Indian archaeology today. Bombay, 1962; M. Wheeler. Civilisations of the Indus valley and beyond, London, 1966.

⁶ H. D. Sankalia. Указ. раб.; M. Wheeler. Указ. раб.; B. and R. Allchin. The birth of Indian civilisation. India and Pakistan before 500 B. C. Harmondsworth, 1968.

⁷ H. D. Sankalia. Указ. раб.; H. Härtel. Die Kunst Indiens.— «Propyläen-Kunstgeschichte», Bd 16, 1972; H.-J. Peuke. Die ockerfarbene Keramik im Gebiet des Ganga-Yamuna-Doab.— «Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Halle», Bd 22; «Gesellschafts-wissenschaftliche Reihe», 1973, № 3, S. 47—52.

⁸ B. and R. Allchin. Указ. раб.; W. A. Fairervis. The roots of Ancient India. N. Y., 1971.

⁹ A. H. Dani. Prehistory and protohistory of Eastern India. Calcutta, 1960; W. A. Fairervis, Указ. раб.

¹⁰ R. V. Heine-Geldern, Ein Beitrag zur Chronologie des Neolithikums in Südostasien.— «Festschrift für P. W. Schmidt», Wien, 1928; W. Schmidt. Die Mon-Khmer-Völker. Braunschweig, 1906.

га пересекали в западном направлении волны переселявшегося земледельческого населения. Их земледелие было подвижным и велось в подсечно-огневой форме.

Устная историческая традиция о предках аустроазиатских народов начинается с сообщений о бассейне Ганга между его северным притоком Сон и южным притоком Гхагхера. Мунда рассказывает, что их предки долгое время жили в этой области¹¹. О том же говорят и предания санталов, которые, как и мунда, относятся к крупнейшим этническим меньшинствам группы мунда-коль. Историю своих предков они начинают словами: «В равнинной стране вдоль реки»¹².

В долине Ганга керамика цвета охры принадлежала самому раннему в этом регионе неолитическому населению и встречена она только в поселениях, принадлежность которых достоверно связывается с группами мунда-коль¹³. Это показывает, что предположение Хейне-Гельдерна, высказанное им в 1928 г., о том, что предки мунда натолкнулись при переселении в долину Ганга на дравидов, ошибочно. Судя по имеющимся данным, племена мунда были первыми земледельцами, осевшими в долинах Северной Индии. Однако эта проблема нуждается еще в дальнейшем уточнении на основе систематических археологических раскопок.

Судя по археологическим и этнографическим данным, основу хозяйства этих неолитических племен составляло возделывание на выжженных участках леса суходольного риса и проса. Поля располагались на склонах холмов. Все время обрабатывались новые и новые участки, которые после выжига леса возделывались палками-копалками и мотыгами. Главным земледельческим орудием в неолите были, очевидно, палки-копалки. Мотыги использовались мало и стали основным земледельческим орудием только в эпоху железа.

Одновременно с упомянутыми выше племенами или немного позднее в область Ганга и Джамны переселялось и другое земледельческое население. Вторая волна неолитических переселенцев характеризовалась в культурном отношении валиковыми топорами (с заостренной спинкой). В Индию они пришли с запада еще до сложения культуры долины Инда. Это доказывается тем, что в соответствующих неолитических находках в долине Инда отсутствуют свидетельства о знакомстве с присущей данной культуре обработкой металлов¹⁴.

Находки валиковых топоров с заостренной спинкой и черно-красной керамики связываются с областями, где в настоящее время обитают дравиды или где они обитали в прошлом. Поэтому нельзя исключить связь этой неолитической культуры с предками современных дравидов. Поселения неолитического населения 3—2 тыс. до н. э. обнаружены на территории сегодняшнего Гуджерата. Они тянутся на север вдоль русел Сабармати и Чамбала до области Ганга-Джамны и вдоль Нарбада на восток. В южной Индии главные области распространения этой археологической культуры находятся по верхним течениям Годавари и Кришны и их притоков. Археологические данные и устная традиция свидетельствуют о том, что земледельческое население, обозначаемое как дравидийское или протодравидийское, в одних случаях самостоятельно занимало области в долине Ганга, в других — вместе с группа-

¹¹ A. Grignard. The Oraons and Mundas from the time of their settlement in India.—«Anthropos», 1909, Bd IV; S. C. Roy. The Mundas and their country. Ranchi, 1912.

¹² P. O. Bodding, L. O. Skrefsrud, S. Konow. Traditions and institutions of the Santals.—«Etnografiske Museum Bulletin», Oslo, 1942, № 6.

¹³ Ср., например: H. D. Sankalia. Указ. раб.; H. Härtel. Указ. раб.; H.-J. Peuke. Указ. раб.; Г. М. Бонгард-Левин также определенно указал на реальную связь керамики цвета охры с племенами мунда.

¹⁴ H. D. Sankalia. Указ. раб.; R. V. Heine-Geldern. Указ. раб.

ми, для которых была характерна керамика цвета охры. Но анализ мифологического материала и находки из культурных слоев показывают, что как этнические смешения, так и культурный взаимообмен были незначительными. Это свидетельствует о типологическом единстве хозяйства и общественной организации протодравидийского населения. Их основным занятием было возделывание пшеницы и проса. Установлено, что во второй половине 3 тыс. до н. э. оседлые земледельческие поселения имелись в Западной Индии. Их обитатели разводили также крупный рогатый скот, овец и коз¹⁵. Хотя еще нет археологических свидетельств существования плуга, одомашнивание крупного рогатого скота при оседлости позволяет допустить наличие плужного земледелия. Из этого следует заключить, что дравидские или протодравидские группы в области Ганга-Джамны, заселенной после Западной Индии, были более развиты в производственном и общественном отношении, чем племена мунда. Это подтверждается и тем, что как мунда, так и санталы подчеркивают, что их предки в отличие от дравидоязычных ораонов за пределами Чхота Нагпура никогда не имели «короля», т. е. политического главу какой-либо группы. По устной традиции ораонов их предки обитали в долине Ганга в «больших» и «многочисленных укреплениях» (*аджабгарх*)¹⁶. Это подчеркивает наличие у дравидов военной организации.

Судя по имеющимся данным, в Северной Индии в древности существовали два совершенно самостоятельных хозяйственно-культурных типа. Один из них был представлен племенами мунда и характеризовался подсечно-огневым земледелием на склонах холмов, использованием палки-копалки в качестве основного и мотыги — в качестве второстепенного орудия. Главные посевные культуры — просо и суходольный рис. Вероятно, что в качестве домашнего животного разводили свинью. Никаких следов костей домашней свиньи на поселениях аустроазиатов не обнаружено, но, исходя из большого значения свиньи в хозяйстве современных мунда-коль, можно допустить, что она была domesticiрована ими в древности¹⁷. Важными культурными элементами, характеризующими рассматриваемый хозяйственно-культурный тип, были плечиковые и четырехгранные топоры, керамика цвета охры. Социальная организация находилась на уровне родового строя.

Второй хозяйственно-культурный тип связан с дравидскими или протодравидскими племенами. Для него характерно оседлое земледелие с плугом и мотыгой на естественно увлажненных приречных землях. Главные посевные культуры — пшеница и просо, домашние животные — крупный рогатый скот, овцы и козы. Наиболее типичные орудия представлены валиковыми топорами с заостренной спинкой. Широкое распространение имела черно-красная керамика. Общественная организация строилась по территориальному признаку, что вело к выделению политического вождя. Существовали укрепленные поселения.

Каковы были этническая принадлежность и хозяйство населения междуречья Ганга и Джамны, связанного с культурой керамики цвета охры, неизвестно. Возможно, это были племена мунда, которые вели такое же хозяйство, как протодравиды. Могло здесь существовать и хозяйство, подобное «подвижному» земледелию мунда.

Возделывание поливного риса возникает в области Ганга и Джамны еще до прихода ариев. Археологически доказывается его распространение и на западе Индии, где оно связано с находками черно-красной

¹⁵ H. D. Sankalia. Указ. раб.; B. and R. Allchin. Указ. раб.

¹⁶ A. Grignard. Указ. раб.; F. Hahn. Blicke in die Geisteswelt der heidnischen Kols. Gütersloh, 1906.

¹⁷ Ср.: S. Fuchs. The Gonds and Bhumias of Eastern Mandla. Bombay, 1960, p. 114; «Народы Южной Азии». с. 737; M. Hermanns. Die Bhilala, Korku, Gond, Baiga. Wiesbaden, 1966.

керамики, датируемой концом 2 тыс. до н. э.¹⁸. Плуг племени мунда-коль заимствовали в Чхота Нагпуре у дравидов. Это подтверждается и тем, что в мифе мунда, в котором рассказывается о том, как они познакомились с плугом, ощущаются явственные индуистские мотивы.

Можно предположить, что культуру риса дравиды или протодравиды заимствовали у мунда-коль.

Очевидно, что наличие укрепленных протодравидских поселений не связано со столкновениями с племенами мунда. В противном случае трудно объяснить мирное проникновение групп дравидов в среду мунда в Чхота Нагпуре. Скорее всего, укрепленные поселения возникали вследствие столкновений с новыми пришельцами, которые стремились занять области с той же природной средой, что и дравиды. Военное проникновение пришельцев задержало расселение местных земледельческих племен в западной и северо-западной Индии. Можно полагать, что пришельцами были арии, вторгшиеся примерно в 900 г. до н. э. в область Ганга-Джамны. Этой гипотезе соответствуют и предания мунда и дравидов, согласно которым их предки некогда были вынуждены уйти из плодородной долины Ганга и его притоков.

Как это следует из мифов мунда в интерпретации С. Роя, их предки пришли из западных областей междуречья Ганга и Джамны и продвигались далее по северной окраине Ганга на восток.

Тот же вывод вытекает из лингвистического анализа легенд санталов, произведенного Боддингом. Согласно этим легендам, предки санталов, двигаясь с запада на восток, пересекли высокие горы.

Судя по имеющимся данным, дравидийские земледельческие группы двигались на юг вдоль реки Чамбал в область современного Гуджерага. Далее они шли несколькими потоками в восточном направлении вдоль Нарабада и Сона и, наконец, оседали на высокогорном плато Рхотасгарх у слияния Сона и северного Келя. Эта область, лежавшая к северу от Чхота Нагпура на южной границе Бангской низменности, оказалась в ходе дальнейшего исторического развития узловым пунктом, где складывались индо-арийские государства и классовое общество.

Хотя сведения, которые можно извлечь из устной традиции, не подтверждаются бесспорными историческими данными, они весьма вероятны, так как все эти события происходили в хорошо освоенных областях. Кроме того, в указанных выше местностях археологически установлены неолитические поселения аустроазиатов и дравидов.

Основные места расселения аустроазиатских племен располагались до возникновения государства Магадха (VI в. до н. э.) в области между Гангом, Патной и северной границей плато Чхота Нагпура. Хотя племена мунда-коль обитали в местностях, где находились залежи железной руды, археологические данные не подтверждают, что они были знакомы с металлургией железа. Относительно азуров, принадлежащих к этой языковой группе, в мифологии можно найти указания на их очень древнее знакомство с металлургией. Однако отсутствуют какие-либо возможности установить, к какому времени в доарийской Индии относится начало обработки железа. Поэтому добыча железной руды и выплавка и обработка железа связываются до сих пор в литературе главным образом с ариями и относится примерно к 1000—900 годам до н. э. Но некоторые факты, возможно, указывают на более древнее, местное возникновение металлургии железа. Прежде всего, это — благоприятные условия для добычи железной руды в восточных областях долины Ганга, где, как установлено, находились с начала 2 тыс. до н. э. места самого древнего расселения мунда. Кроме того, в VI в. до н. э. существовал северный торговый путь между этими месторож-

¹⁸ См. S. R. Rao. Lothal and the Indus civilisation. Bombay, 1973.

дениями и северо-западными частями долины Ганга¹⁹. Вместе с тем можно допустить, что встречающиеся в мифах упоминания о древней металлургии железа у азуров представляют собой позднейший вымысел, связанный с распространением металлургии, принесенной пришельцами.

Высокогорное плато упоминается в легендах как мунда, так и дравидов. После недолгого там пребывания мунда и дравиды, вытесненные воинственными пришельцами, вновь вернулись в гористые местности Чхота Нагпура. Сказания мунда и дравидов об их расселении в этих областях подтверждаются данными из санскритских эпических произведений. На основе их анализа Р. Шаффер локализирует в области между Гангом и средним течением Сона страну легендарных каруша, известных из Махабхараты как монголоидное население. По мнению Эйкштедта, монголоидные черты характерны для антропологического типа мунда-коль. Тот же исследователь помещает в местности, по верхнему течению Нарбада и Сона, считающихся по преданиям ораонов местом расселения их предков, легендарную область Пулинда Деш, которую, как он полагал, населяли предки дравидов.

По мере дальнейшего выжигания леса под поля и расширения государства Маурьев, сменившего государство Магадха, все большее количество оседлых земледельцев, использовавших плуг и стоявших по своему развитию еще на уровне родового строя, втягивалось в орбиту государства, а тем самым подвергалось влиянию классовых отношений. Классовое общество в долине Ганга основывалось на насильственном подчинении и эксплуатации местного населения. Одновременно с этим происходили и внутренние процессы развития социально-экономических отношений у населения, подвергавшегося ассимиляции. Часть населения, занимавшегося земледелием в подсечно-огневой форме, спасаясь от экспансии, уходила в недоступные места. Об этом свидетельствуют столкновения правителей государства Маурьев с племенами джунглей, а также проводившаяся по отношению к ним государственная политика²⁰. В конце концов были разрушены и оседлые укрепленные поселения в Рохтасгархе.

Не позднее эпохи распространения государства Маурьев произошло переселение групп мунда, не знакомых с плугом, на плато Чхота Нагпура. Сказанное подтверждается тем, что, во-первых, с захватом в южном Бихаре богатых месторождений железа государство Маурьев занимает традиционные области мунда; и, во-вторых, тем, что мунда не знали плуга до прихода в Чхота Нагпур дравидов.

Время прихода дравидов в Чхота Нагпур может быть определено в зависимости от датировки победы так называемых «чужих» над ораонами, о чем повествует их устное предание. Это легендарное сообщение многие исследователи связывали с эпохой мусульманского завоевания. Так, например, Э. Ган переводил ораонское слово «турукх» как «тюрок»²¹.

Однако из местных хроник царей Нагбанси Чхота Нагпура можно заключить, что ораоны покинули Рохтасгарх в I или, самое позднее в IV в. н. э. Основываясь на подсчете поколений, Рой называет 64 г. н. э. Царь династии Гуптов объявил, что в IV в. он захватил все укрепления племен в джунглях на границах Чхота Нагпура²².

До настоящего времени племена, обитающие в горных джунглях южного Бихара, Ориссы и Мадхья Прадеш, на плоскогорье Чхота Нагпура, ведут традиционный образ жизни и находятся на разных уровнях

¹⁹ D. D. Kosambi. Das alte Indien. Berlin, 1969.

²⁰ W. Roben. Über die Dschungelstämme im Staate Kautilyas.

²¹ F. Hahn. Указ. раб.

²² D. D. Kosambi. Указ. раб.

первобытно-общинных отношений. Обладая значительным хозяйственным и культурным сходством, они образуют здесь историко-культурную область²³.

В равной степени как о древней историко-культурной области можно говорить о местностях между Гангом, Джамной, Соном и северной границей Чхота Нагпура, где на основе традиций мунда сложилась хозяйственная и общественная организация Магадхи и государства Маурьев. На стыке между этими двумя областями находится Рохтасгарх.

В наше время как дравиды, так и мунда занимаются там, где это возможно, поливным рисосеянием с естественным орошением. Возделываются террасные поля на склонах речных долин. Одновременно каждое поселение имеет в своих окрестностях участки на склонах гор, где ведется подсечно-огневое земледелие. Выжженные участки обрабатываются главным образом железной мотыгой. Во всяком случае, в хозяйственном отношении неолитические хозяйственно-культурные типы в наше время не прослеживаются. Но сохраняются многие пережиточные обычаи. Например, ораоны устраивают места погребения покойников только к западу от своих деревень. На кладбище каменная плита олицетворяет место, где находятся предки основателя деревни²⁴. В отличие от них, мунда ориентирует памятники, сооружаемые покойникам, «лицом» на восток²⁵. Наряду с попытками объяснить эти традиции магическими представлениями в связи с солнечным культом, можно предположить, что указанные обычаи отражают направление, откуда пришло в древности местное население.

Хозяйственный ареал, занимаемый мунда и дравидами, сохраняющими традиционный образ жизни, постоянно урезается и сокращается. Дравидские группы, составляющие национальные меньшинства, склонны в большей степени, чем группы мунда-коль, заниматься отходничеством и на долгое время покидать свои поселения.

²³ О содержании этого и связанных с ним понятий см.: *М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров*. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области.— «Сов. этнография», 1955, № 4; *Б. В. Андрианов, Н. Н. Чебоксаров*. Историко-этнографические области (Проблемы историко-этнографического районирования).— «Сов. этнография», 1975, № 3.

²⁴ *M. Hermanns*, Die Oraon. Wiesbaden, 1973.

²⁵ *S. C. Roy*. Orientation of grave-stones and houses in Chota Nagpur.— «Journal of the Bihar and Orissa Research Society», vol. 1, 1915, p. 2—280.